

К.Р.Буйнова

Латиноамериканское турне Евгения Евтушенко (1968)

Уругвай. Колумбия. «Завоевание душ»

В 1967—1968 гг. Евгений Евтушенко находился в большой латиноамериканской командировке, за пять месяцев объездив с выступлениями Чили, Уругвай, Колумбию и Мексику. В нынешней статье мы продолжаем публиковать комментированный отчет поэта из этого турне. Отчет написан весной 1968 г. для внутреннего пользования Союза писателей, причем последнее, разумеется, подразумевало передачу документа в ЦК, о чем командируемому было хорошо известно. После дружественного Чили* Евтушенко описывает менее знакомые для советской культурной дипломатии страны, Уругвай и Колумбию, где еще только предстояло «завоевание душ, которые исподволь тянутся к нам». Об обеих странах он пишет значительно меньше, чем о Чили: о первой из-за непродолжительного пребывания, а о второй, вероятно, потому, что значительную часть времени, проведенного в Колумбии, заняли личные отношения, в которых ни Союзу писателей, ни тем более ЦК признаваться было никак нельзя.

Ключевые слова: Е.А. Евтушенко, Латинская Америка, Уругвай, Колумбия, 1968 год

DOI: 10.31857/S0044748X24100079

Статья поступила в редакцию 22.04.2024.

Пятидесятилетнее турне Евгения Евтушенко по Латинской Америке началось в декабре 1967 г. После посещения Чили поэт отправился в Уругвай и Колумбию, а завершалась его поездка Мексикой и США. По возвращении из командировки он написал отчет в Секретариат Союза писателей. Обычно такие отчеты писались коротко и сухо, в них было важнее сообщить о полезных контактах и политическом климате в писательской среде страны назначения. Однако Евтушенко подошел к этой задаче с присущей ему

Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, k.r.bujnova@inno.mgimo.ru, ORCID: 0000-0002-6983-5212).

* См.: Латинская Америка, 2024, № 5.

страстностью, посвятив своим успехам в Латинской Америке шестьдесят страниц машинописи. Сегодня этот документ хранится в РГАЛИ [1, лл. 17-28]. Копия отчета, отправленная в ЦК КПСС, осела в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), а в 2009 г. была включена в уже ставший букинистической редкостью сборник «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965—1972» [2, сс. 530-566]. Сегодня мы публикуем этот отчет со вступительной статьей и комментариями к тексту.

Выбор Уругвая и Колумбии — не столь давних, в отличие от Чили и Мексики, партнеров СССР — был продиктован новой дипломатической конъюнктурой. На фоне общего подъема интереса к Латинской Америке после Кубинской революции и активизации отношений на уровне Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) [3, с. 15] внутривластная ситуация в этих странах позволяла постепенно развивать взаимодействие. Отношения с Уругваем складывались вполне благополучно с середины 1950-х годов, когда на выборах победила Национальная партия (*Partido Nacional, Partido Blanco*), и все еще были достаточно конструктивными в конце 1960-х, после перехода власти к партии Колорадо (*Partido Colorado*) [4]. В Колумбию же Евтушенко попал как раз после восстановления дипломатических отношений 19 января 1968 г., чему предшествовали взаимные визиты и заключение соглашения о торговле [5, с. 146; 6, с. 142]. В обоих случаях нужно было ковать железо, пока горячо, и, пожалуй, лучшего кузнеца от литературы, чем Евгений Евтушенко, советская власть найти не могла.

Точные даты посещения Уругвая и Колумбии в отчете не указаны, но мы знаем, что в Чили поэт приехал 14 декабря и провел там 50 дней, а в Мексике он оказался к десятым числам марта. В Уругвае Евтушенко пробыл совсем недолго, возможно, неделю. Таким образом на Колумбию выпадает примерно 3—4 недели.

Визу в Уругвай Евтушенко получил, как он сам утверждает, по приглашению флагамена левой интеллектуальной среды Южной Америки, журнала *Marcha* и официального органа компартии Уругвая газеты *El Popular*. В Монтевидео поэт отметил оживленный общественный диалог и плюрализм в стане левой интеллигенции; правда, в отчете это явление названо «полнейшей неразберихой». Евтушенко удивило также, что в Уругвае так много газет. Несмотря на разнообразие мнений прием советскому поэту был оказан радушный: «никаких нападок, никаких провокаций».

Как и при анализе настроений в среде чилийских писателей, в Уругвае Евтушенко уделяет большое внимание кубинскому влиянию. В начале 1968 г. размышления о сохранении советско-кубинской дружбы звучат наивно, но Евтушенко принимает свойственный партийному дискурсу снисходительный тон, призванный простить ошибки «незрелых душ», противопоставить «идолопоклонничеству Че Геваре» «вдумчивый анализ», а недружественным акциям Фиделя — мудрость и терпение. При этом часть выступлений поэта организовывал Комитет солидарности с Кубой. Но и по этому поводу Евгений Александрович выражается софистически: раз комитет «в поте лица работал по распространению билетов на мой вечер», пока с Кубы доносились недружественные по отношению к СССР заявления, значит, сотрудничество с ним не противоречит советским интересам.

Такая уступка официальной позиции должна была стоить Евтушенко немалых колебаний, потому что он очень тепло относился к Кубе, о чем не раз говорил в поздних книгах и интервью. Он много времени провел на острове в 1962 г., когда шли съемки фильма «Я — Куба!», общался с Че Геварой, и впоследствии в своих сочинениях, например, в поэме «Фуку!» (1985) скорее способствовал созданию образа легенды:

Темною ночью
в трущобах Каракаса
тень Че Гевары
по склонам карабкается.
Но озарит ли всю мглу на планете
слабая звездочка на берете? [7, с. 20]

Переходя к описанию пребывания в Колумбии, Евтушенко придает большую важность ажиотажу вокруг восстановления советско-колумбийских отношений. На этом фоне, утверждает поэт, «ультраправые и ультра-левые ... вместе дудят в антисоветскую дудку». Напряженность Евтушенко в этой ситуации не прошла незамеченной. Так, интервью журналиста Ядера Хиральдо с Евтушенко начинается с такого вступления: «осторожный, язвительный, настороженный по отношению к журналистам, иногда раздражительный — вчера в Боготу прибыл поэт Евтушенко»¹.

Если верить отчету, все пребывание в Колумбии прошло для Евтушенко «в центре политической борьбы». Ему приходилось объяснять «азбучные марксистские истины» молодежи, «зараженной экстремистскими пекинским и новокубинским духом». Политическая борьба не помешала поэту завести бурный роман с колумбийской моделью Дорой Франко (р. 1945). Разумеется, эта часть его командировки осталась за скобками отчета, но опубликованная в 2011 г. поэма «Дора Франко» [9] объясняет, почему о месяце в Колумбии щедрый на подробности Евтушенко отчитался несколькими страницами².

Среди полезных контактов Евтушенко как бы между прочим упоминает Гонсало Аранго — «противоречивого» человека, который, однако же, «всею душой тянется к нам». За этим определением поэт скрыл свою восторженную дружбу с основателем школы «ничевоков» (*nadaístas*)³. Аранго посвятил советскому поэту книгу воспоминаний «Медведь и колибри» [13], вышедшую в том же 1968 г., где помимо прочего анонсировал скорый

¹ «Cauteloso, mordaz, prevenido ante los periodistas, a veces, malhumorado, el poeta Evtuchenko llegó ayer a Bogotá». Цит. по [8, p. 62].

² Роман продлился много лет, о нем рассказывала и сама Дора Франко [10]. Поэма «Дора Франко» переведена на испанский Хавьером Кампосом [11].

³ В позднем интервью Дора Франко сказала, что Аранго и Евтушенко «обожали друг друга с первой встречи» [10]. Надаизм (*nadaísmo* — от исп. “nada”, ничто) — колумбийское литературно-философское течение в конце 1950-х — 1960-х годов. Возник как акт хеппинга, форма контркультуры и протеста. Одним из его основателей и основных представителей был Гонсало Аранго (1931—1976) [12, с. 634]. «Ничевоками» их назвал сам Евтушенко в поэме «Дора Франко» [9].

выход сборника Евтушенко *Manzanas Robadas* в Колумбии. «Краденые яблоки» на испанском должны были выйти через 5 месяцев после сборника Аранго [14, р. 119], но увидели свет только в 2011 г. [15]. Мы предполагаем, что рукопись мог отозвать сам Евтушенко, поскольку несанкционированная ЦК публикация в буржуазном государстве грозила ему неприятностями, тем более что в 1963 г. он уже стал «невъездным» из-за публикации «Преждевременной биографии» во французском журнале [16, с. 86].

Тот же Аранго познакомил поэта с Дорой Франко и сопровождал его в поездке на Амазонку. После его смерти Евтушенко вспоминал лидера «ничевоков» так: «Прекрасный друг, застенчивый мятежник / <...> / Без Пабло [Неруды] и тебя — большое бёды / <...> / Так что такое Муза на земле, / покинувший меня мой брат Аранго?» [9].

За визит 1968 г. Евтушенко успел побывать в Боготе, Медельине, Кали, Картахене, Барранкилье и Летисии (колумбийская Амазонка), и всюду выступал с чтением стихов.

[Уругвай]⁴

После пятидесятидневного пребывания в Чили я вылетел в Уругвай по совместному приглашению газет «Марча»⁵ (независимая левая газета), органа ЦК компартии Уругвая «Популяр»⁶, а также уругвайско-советского общества и комитета солидарности с кубинской революцией. Надо сказать, что приглашение это было совершенно необычным, ибо между всеми этими организациями существует целый ряд расхождений и, по сути, в первый раз они объединились вместе по конкретному поводу. Это был факт необыкновенной важности, ибо в умах уругвайской левой молодежи царит полнейшая неразбериха, и она тратит огромное количество сил на фракционные распри вместо того, чтобы объединиться в общей борьбе. Компартия, хотя и представляет собой значительную силу, но все же не так могущественна, как в Чили. С другой стороны и реакционные силы Уругвая не столь агрессивны, как в Чили. Характерная особенность политической жизни Уругвая — это раздробленность на неисчислимое количество соперничающих между собой группировок. Показательно то, что только в одном Монтевидео около тридцати газет (если мне не изменяет память). И все же прием, оказанный мне прессой, в отличие от чилийского, был поразительно единодушно гостеприимен, и со стороны левых, и со стороны правых газет. Никаких нападок, никаких провокаций, — тон исключительно доброжелательный и серьезный. Как ни странно, лишь «Марча» — одна из приглашающих газет — допустила в одной, в общем, положительной статье несколько колкостей, но, в общем, больше из левацкого кокетства и

⁴ В тексте Евгения Евтушенко подзаголовков по странам нет.

⁵ *Marcha* — один из важнейших культурно-политических журналов Латинской Америки. Издавался в Уругвае в 1939—1974 гг. За антиимпериалистическую позицию этот журнал обрел среди проамериканской аудитории репутацию коммунистического, но на самом деле в отношении СССР редакция последовательно выступала с критических позиций.

⁶ *El Popular* — официальный орган Коммунистической партии Уругвая, издавалась с 1957 г.

Баскетбольный стадион Паласио Пеньяроль. Монтевидео, Уругвай

Евгений Евтушенко и Гонсало Аранго

из желания выглядеть непохожей на всех других, чем из злого умысла. Кстати, здесь, в Уругвае, было организовано самое мощное в Латинской Америке празднование Октябрьской революции — в присутствии десяти тысяч человек была осуществлена постановка «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида по спектаклю театра на Таганке Ю. Любимова⁷, и товарищи из компартии с горечью говорили мне о том, что в советской прессе не было напечатано ни одной строки по этому поводу. Мое первое выступление было организовано в этом же самом зале — организатором была газета «Популяр», и прошло очень хорошо. Аудитория состояла из рабочих, студенческой молодежи. Вступительное слово сделал один из крупнейших критиков — Хесуальдо⁸. Второе выступление, организатором которого являлась «Марча», прошло в одном из крупнейших театров Монтевидео, вмещающем около двух тысяч человек, также при переполненном зале⁹. Аудитория состояла в основном из интеллигенции. Надо отдать должное уругвайскому комитету солидарности с Кубой — в то время как Фидель произносил ряд высказываний и совершал ряд действий, которые никак нельзя было рассматривать как излишне дружественные по отношению к СССР, этот комитет в поте лица работал по распространению билетов на мой вечер. Члены комитета в личных беседах со мной высказывали глубокое, и, как мне показалось, искреннее сожаление по поводу последних акций Фиделя, и выражали тревогу, не разрушит ли это вообще советско-кубинскую дружбу. Приятно было видеть наряду с горячей юношеской влюбленностью в кубинскую революцию и некоторые трезвые опасения. Тем не менее здесь, в Уругвае, может быть, даже больше, чем в Чили, распространено идолопоклонничество Че Геваре¹⁰, вместе вдумчивого анализа этого случая. Показательна в этом отношении была моя беседа в редакции газеты «Марча» с группой молодых уругвайских поэтов. Там мне напрямик задавались такие, скажем, вопросы: «Не стыдно ли в наше время писателю держать в руках перо, когда он должен взяться за винтовку?», «Как вы думаете, не пора ли начать вооруженное восстание вместо разговоров о поэзии?» и т.д. Мне кажется, что реакционным силам Латинской Америки, может быть, в известном смысле даже и выгоден чегеваризм — ибо в ряде случаев он служит для них поводом еще большего завинчивания гаек, и усиления борьбы против коммунизма.

Однако если спокойно и доброжелательно говорить даже с самыми горячими сторонниками левого экстремизма (разумеется, в том случае, если это не закоренелые демагоги, а просто ищущие правду юные незрелые души), то все же можно объяснить им, что революция — это не только вин-

⁷ Пьеса «Десять дней, которые потрясли мир» была поставлена в Театре на Таганке в 1965 г.

⁸ Соса, Хесуальдо (1905—1982) — уругвайский критик и педагог.

⁹ Первое выступление Евтушенко прошло на баскетбольном стадионе, известном в Уругвае как *Palacio Peñarol*. Второе выступление состоялось в концертном зале Официальной службы вещания, представлений и спектаклей (*Sodre*). Площадки восстановлены по свидетельству Alzugarat, A. *Revistas literarias y culturales de 1968. Lo que los archivos cuentan*. Biblioteca Nacional. 2018. P. 177.

¹⁰ Эрнесто Гевара погиб незадолго до приезда Евтушенко в Латинскую Америку, 9 октября 1967 г.

товка в руках, но и философский анализ происходящего и повседневная, может быть, не так внешне эффектная, но более конструктивная борьба за будущее. Так получилось и в разговоре с молодыми уругвайскими поэтами, — в конце концов мы нашли общий язык и общую платформу.

В сопровождении нашего консула и культурного атташе я совершил поездку по стране. В ряде провинциальных центров состоялись встречи, организованные местными комитетами уругвайско-советской дружбы. В Сан-Хавьере — месте поселения русских и украинских дореволюционных эмигрантов, нам был оказан теплейший прием. Перед отъездом я был принят министром культуры Уругвая, который, как мне показалось, весьма заинтересованно говорил о развитии советско-уругвайских культурных связей.

Что еще? Я выступил с чтением стихов перед советской колонией, и по случаю моего пребывания посол СССР Колосовский¹¹, кстати сказать, пользующийся весьма большим авторитетом во всех влиятельных кругах Уругвая, устроил прием, на котором присутствовали выдающиеся деятели национальной культуры.

Должен отметить, что, как и в Чили, весь состав советского посольства, не считаясь со временем, оказывал мне максимально возможную товарищескую поддержку.

По просьбе компартии Уругвая я провел беседы в редакции коммунистической газеты «Популяр», в советско-уругвайском обществе, а также выступил на профсоюзном митинге. Словом, короткий срок пребывания в Уругвае был заполнен до отказа встречами, беседами, выступлениями.

Необходимо заметить, что если в Чили взаимные контакты советских и чилийских писателей более или менее налажены, то работа нашего посольства в Уругвае затруднена в связи с редкими наездами не только писателей, но и вообще каких-либо представителей советской культуры. Благодаря отсутствию информации и задаются такие, скажем, вопросы на встречах: «Скажите, некоторые ваши стихи грустные... А разве в Советском Союзе разрешено писать грустные стихи?» и т.д. И ей-богу же этот вопрос был задан не с провокационной целью, а просто от полного незнания советской литературы.

И все-таки малая информированность уругвайцев о нашей жизни не идет ни в какое сравнение с полным невежеством и дезинформацией, царящими в Колумбии, в которую я прибыл после Уругвая.

[Колумбия]

Колумбию раздражает борьба, ведущаяся вокруг восстановления дипломатических отношений Колумбии и СССР. Характерно, что в этом вопросе опять-таки сомкнулись ультраправые и ультралевые элементы. Ультраправые вопят о проникновении коммунистического колониализма в Колумбию, ультралевые о сдаче революционных позиций советским правительством и о коллаборационизме русских коммунистов с прислужниками американцев — правительством Колумбии. Короче говоря, ультраправые и

¹¹ Колосовский, Игорь Константинович (1920—2010) — советский дипломат, много лет служивший в разных странах Латинской Америки. В 1965—1970 гг. был чрезвычайным полномочным послом СССР в Уругвае.

ультралевые, хотя и те, и другие на свой лад, — вместе дудят в антисоветскую дудку.

В связи с тем, что ни одного советского дипломатического работника в Колумбии еще не было, я должен был быть необыкновенно осторожен и в своих высказываниях, и в действиях, чтобы рвением не слишком напугать колумбийские власти и не дать возможности ультраправым горланить о коммунистической пропаганде. С другой стороны, я должен был думать и об ультралевых — о том, чтобы они не могли упрекнуть меня, а через меня и весь Советский Союз, в сдаче революционных позиций и т.д. В частности, я вынужден был в этой связи под благовидным предлогом отказываться от встречи с президентом Колумбии¹². Я прибыл в Колумбию по весьма нейтральному приглашению издательской фирмы «Альбом», которая издает мою книгу стихов на испанском языке¹³, однако нейтральность пригласившей организации не помогла, и я оказался в центре политической борьбы.

Надо учесть еще и то обстоятельство, что за всю историю Колумбии я был первым русским поэтом, посетившим эту страну. Интерес к моему приезду был огромен и, естественно, столь же огромно было желание антисоветских кругов и правых, и левых сорвать мои выступления.

Уже первое мое выступление в Колумбии — вечер вопросов и ответов — в университете началось скандалом — студенты, набившие аудиторию, устроили настоящую обструкцию ректору университета, представившему меня, не давая ему сказать ни одного слова. Я вынужден был обратиться с призывом к аудитории успокоиться и добился своего. Затем посыпались вопросы такого типа, например: «Почему вы, русские, если вы коммунисты, устанавливаете отношения с нашим фашистским правительством?», «Как вам не стыдно торговать с капиталистическими странами, способствуя их процветанию?», «Почему вы не шлете ваши войска во Вьетнам?», «Почему вы привезли нам стихи, а не оружие, чтобы драться с революцией?». Мне приходилось буквально-таки преподавать студентам, зараженным экстремистскими пекинским и новокубинским духом, азбучные марксистские истины о вреде изоляционизма, о том, что не всегда и не все вопросы можно решить только с помощью оружия, о том, что и песня, и стих — это бомба и знамя. Отвечая, я чувствовал по аудитории, что они слышат такие ответы первый раз в своей жизни, что их «ультралевизна» есть не что иное, как естественная реакция на засилье империалистической пропаганды, и что их молодые души, эти трудная, засоренная отравными травами красивых лжеидей почва, ждущая истинных благодатных семян. И мне удалось переломить аудиторию, и она бурно аплодировала моим ответам, а потом потребовала стихов, и приветствовала их стоя.

¹² Президентом Колумбии в 1966—1970 гг. был Карлос Льерас Рестрепо (1908—1994). В конце 1967 г. в Колумбии побывали писатель С.С.Смирнов и консультант по латиноамериканской литературе Иностранной комиссии СП СССР Н.А.Булгакова, которые лично встретились с президентом и говорили о возможном возобновлении дипломатических отношений [17, л. 7].

¹³ Речь идет об издательстве *Albón* и сборнике стихов «Краденые яблоки» (*Manzanas robadas*) [13, р. 15]. Тогда книга так и не вышла; в 2011 г. ее опубликовало издательство *Visor* [15].

Первое чтение стихов в Колумбии состоялось в Боготе на студенческом баскетбольном стадионе. Собралось невиданное для Колумбии количество слушателей — около восьми тысяч. Я побаивался превращения чтения стихов в откровенный политический митинг, ибо это было бы только на руку реакционным силам. И, действительно, уже в начале студенты начали скандировать «Куба — си, янки — но!», «Долой правительство!» и затеяли скандал, избивая нескольких человек, — по их мнению, переодетых в штатское полицейских агентов.

Тут мне пришлось собрать всю свою волю и крикнуть в микрофон: «Хотите ли вы, чтобы к вам как можно чаще приезжали советские поэты?» «Хотим!» — многоголосым ревом откликнулась аудитория. «Ну так будьте умницами и прекратите скандал». Скандал, действительно, прекратился и на протяжении двух часов я читал стихи, и невзирая на начавшийся дождь, аудитория принимала их с энтузиазмом. Затем раздались крики «Да здравствует Советский Союз!», «Вива Ленин! Вива Маяковский!», и группа коммунистической молодежи развернула огромный лозунг «Да здравствует советская помощь Вьетнаму!». Но это уже не был скандал — это было прекрасное завершение вечера, не смешанное ни с каким, могущим быть провокационным, ажиотажем. Все колумбийские газеты напечатали на первых полосах восторженные отчеты об этом вечере. Злобствовала лишь социалистическая газета, выступавшая против советско-колумбийских отношений, но ее голос потонул в общем дружественном хоре. Правительство Колумбии, по имеющимся у меня сведениям, оценило мой такт, ибо для него установление дипломатических отношений с нами и разрешение мне публичных выступлений было весьма серьезным прогрессивным шагом, учитывая напор антисоветских сил.

Я провел беседу в колумбийско-советском обществе. Надо сказать, что члены этого общества на протяжении ряда лет отсутствия дипломатических отношений с СССР вели поистине героическую работу, и заслуживают самого высокого уважения.

Руководители коммунистической партии Колумбии организовали в мою честь прием в здании газеты компартии и высказали настоятельные пожелания видеть как можно больше советских поэтов и прозаиков, которые будут продолжать в Колумбии работу по пропаганде идей нашей Родины, идей коммунизма, в форме не оголенно пропагандистской, а глубокой, творческой. В Колумбии, учитывая ее разрушенные на столько лет связи с СССР, наши культурные посланцы, да и дипломатические, должны быть особенно деликатными, ибо все эти годы в сознание людей внедрялось, что каждый советский человек — это ходячая пропагандистская машина, и ничего больше. Вообще я должен заметить, что иногда просто хорошее стихотворение о любви, прочитанное советским поэтом, производит в Латинской Америке, да и вообще во всем мире гораздо большее пропагандистское действие в пользу нашего общества, чем речь, скажем, о наших промышленных достижениях. А вообще я пришел к убеждению, что самая лучшая пропаганда — это искреннее поведение. Ведь только тогда люди открывают тебе свою собственную душу, когда ты им открываешь свою.

Когда я приехал в Колумбию, у меня не было там ни одного друга. Уезжая, я оставил там многих хороших настоящих друзей — и среди комму-

нистов, и среди беспартийной прогрессивной интеллигенции. В частности, мне хотелось бы отметить лидера колумбийского движения надаистов поэта Гонсало Аранго. Это человек крайне противоречивый. Он пишет анти-милитаристские песни о Вьетнаме, но в то же время, чтобы заработать на жизнь, сотрудничает в «Кромосе» — крупнейшем буржуазном журнале. Кажется, даже у него были некоторые разногласия с коммунистами, хотя они, тем не менее, относятся к его творчеству с большим уважением. Когда он появился со мной на сцене театра в городе Кали, чтобы сделать заявление, то «ультралевые» его освистали: «Буржуй! Предатель!» и т.д. Мне пришлось призвать публику к порядку и попросить сначала выслушать докладчиков, а уж потом или свистеть, или аплодировать. И Гонсало Аранго произнес замечательную речь. Это была речь не обо мне. Это была речь о борьбе, идущей в мире между силами реакции и прогресса, и о той роли, которую играет Советский Союз как защитник прогрессивного человечества. Даже те, кто только что свистели, вынуждены были аплодировать. Гонсало Аранго вообще очень много мне помогал — и в контактах с театральной и литературной интеллигенцией, и в борьбе со всеми, кто мне мешал. Этот человек всей душой тянется к нам, и я убежден, что в первую же культурную делегацию, которая поедет в Москву, он должен быть включен. Обмен культурными делегациями между Колумбией и СССР надо осуществлять как можно скорее со времени вручения верительных грамот нашим послом для того, чтобы развивать наши отношения не на бумаге, а на деле. Я бы посоветовал также включить в эту культурную делегацию знаменитую колумбийскую телевизионную журналистку, которая пользуется огромным влиянием в различных общественных сферах, — Глорию Валенсию де Кастаньяс¹⁴. Она так же всеми силами помогала мне во время поездки и может в будущем стать другом Советского Союза.

Я посоветовал бы работникам нашего посольства установить контакт с владельцем крупнейшей газеты в Колумбии «Темпо»¹⁵. Он, хотя далеко и не коммунист, но человек трезво мыслящий и принимавший участие в борьбе за установление с нами дипломатических отношений. Также хотелось бы отметить, что другая буржуазная газета «Эксельсиор»¹⁶ освещала мою поездку очень объективно в благожелательном для нашей страны духе, и журналист Ядер¹⁷, хотя он когда-то и вышел из компартии, писал статьи тоже очень дружественные, без каких-либо политических двусмысленностей.

¹⁴ Валенсия де Кастанья, Глория (1927—2011) — колумбийская журналистка и телеведущая, работавшая над культурными передачами на телевидении.

¹⁵ Вероятно, Евтушенко подразумевает Роберто Гарсию-Пенью (1910—1993), который руководил *El Tiempo* с 1939 г. в течение четырех десятилетий.

¹⁶ *Excelsior* — одна из крупнейших мексиканских газет. Вероятно, Евтушенко перепутал ее с колумбийской *El Espectador*.

¹⁷ Хиральдо, Ядер (Iader Giraldo, годы жизни неизвестны) — колумбийский журналист и политический обозреватель. «...когда он на несколько дней переставал писать на политические темы, он брал блестящие интервью. Одно из них — с русским поэтом Евгением Евтушенко в 1968 г.» [18, p. 126].

Гнусную роль во время моей поездки играл эмигрант с Кубы — журналист Пардо Льяда¹⁸. Буквально не проходило ни одного дня, чтобы он не поливал грязью и меня, и вообще советскую литературу. Это человек, на котором, как говорится, негде пробы ставить, но, к сожалению, пользующийся влиянием в определенных кругах. Я уверен, что, когда наше посольство приступит к работе, это будет враг № 1 среди журналистов, и его ни в коем случае нельзя даже близко подпускать к порогу посольства.

Помимо выступлений в Боготе, я выступал также в городе Кали — в университете, где 5 тысяч студентов устроили мне замечательный прием, и также в городском театре, вмещающем 2 тысячи зрителей, затем — в городе Меделин в присутствии полутора тысяч. Кроме этого, я посетил города Картахена и Баранкилья, где был избран членом жюри национального народного карнавала. В конце моего пребывания я совершил поездку в джунгли Амазонки, где охотился на крокодилов, и в неохраняемой пограничниками зоне побывал в индейских деревнях на территории Бразилии и Перу. Последнее мое выступление в Колумбии состоялось в крошечном городке Летисия, затерянном в джунглях, перед рыбаками, охотниками на крокодилов, ловцами анаконд, монахами и пограничниками. Это было, пожалуй, одно из самых незабываемых моих выступлений во всей моей жизни — 90 процентов аудитории были люди неграмотные, и в то же время с сердцами, доверчиво открытыми поэзии и миру. Все эти люди слушали стихи первый раз в своей жизни. Я написал по-испански стихи об их родной Амазонке, и их слезы были для меня самой высокой наградой¹⁹.

На мой взгляд, Колумбия представляет собой одну из самых неопределившихся политически стран. Сейчас страна находится на распутье. С одной стороны, правительство Колумбии испытывает давление американского посольства, с другой стороны, все возрастающее давление антиамерикански настроенной общественности. Извне идет психологическое давление Кубы с ее теорией «третьего мира». Я абсолютно убежден, что в этом сложном переплетении давлений колумбийское правительство (во всяком случае, некоторые его члены) заинтересованы в установлении хороших отношений с нашей страной — и экономических, и культурных, и даже политических. Но также я убежден, что советское посольство столкнется с колоссальным противодействием и даже прямыми провокациями, как слева, так и справа, поэтому оно должно быть активным, но осторожным. Без всякого сомнения забастовки, митинги протестов и т.д. будут интерпретироваться как инспирированные советским посольством. С другой стороны, если наше посольство будет слишком общественно пассивным и неразборчиво в контактах, оно подвергнется слева обвинениям в коллаборациониз-

¹⁸ Пардо Льяда, Хосе (1923—2009) — кубинский журналист и революционер. Был близким знаком с Фиделем Кастро и Эрнесто Геварой еще до Кубинской революции, которую поддержал с энтузиазмом, однако вынужден был эмигрировать в 1961 г. С тех пор жил и работал в Колумбии. В 1960 г. встречался с Хрущевым, сопровождая Фиделя Кастро в Нью-Йорк, в том же году побывал с Эрнесто Геварой в Москве.

¹⁹ Летисия — город на юге Колумбии, столица департамента Амасонас. Подробнее о визите в это место Е. Евтушенко рассказывает в поэме «Дора Франко». В Летисии он сделал необычную находку: экземпляр «Доктора Живаго» с дарственной надписью С.С. Смирнова [19].

ме. На мой взгляд, первые шаги посольства должны быть направлены на создание крепких культурных связей с интеллигенцией Колумбии, на завоевание душ, которые исподволь тянутся к нам. Тогда будет легче. Думаю, что в какой-то степени поездкой С.Смирнова и Булгаковой²⁰, а также моей, почва уже несколько подготовлена. Повторяю, как можно скорей надо организовать поездку культурных деятелей Колумбии в СССР, может быть даже и специальную группу колумбийских журналистов, а также организовать первый официальный приезд культурных деятелей нашей страны в Колумбию с ответным визитом. Важность этого велика, ибо Колумбия находится на распутье и в любой момент может качнуться или сильно вправо или сильно влево. А надо, чтобы она качнулась вперед.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 512. [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), 631-27-512] (In Russ.).
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965—1972: документы. Сост.: С.Д.Таванец (отв. сост.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2009. 1245 с. [Apparat TsK KPSS i kul'tura, 1965—1972: dokumenty [The Apparatus of the CPSU Central Committee and Culture. 1965—1972: documents]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 1245 p. (In Russ.).
3. Докучаева С.В., Никонова О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950—1960-е гг. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. Челябинск, 2018, т. 18, № 1, сс. 14—17. [Dokuchaeva, S.V., Nikonova, O.Yu. Institutional'naya struktura i tselevye auditorii sovetskoï kul'turnoi diplomatii v stranakh Latinskoi Ameriki v 1950-1960-e gg. [The institutional structure and the target audiences of the USSR's culture diplomacy in the countries of Latin America in 1950-1960-s.] *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. Cheliabinsk, 2018, vol. 18, N 1, pp. 14—17. DOI: 10.14529/ssh180102 (In Russ.).
4. Андреев А.С. Уругвай и СССР в 1945—1991 гг.: двусторонние отношения в контексте левого движения. *Латинская Америка*, М., 2022, № 9, сс. 54-67. [Andreev, A. S. Urugvai i SSSR v 1945—1991 gg.: dvustoronnie otnosheniya v kontekste levogo dvizheniya [Uruguay and the USSR in 1945—1991: bilateral relations in the context of the leftist movement]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2022, N 9, pp. 54-67. DOI: 10.31857/S0044748X0021677-3 (In Russ.).
5. Богданов К.В. СССР — Колумбия: межпартийное измерение отношений. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2023, № 40, сс. 137–155. [Bogdanov, K.V. SSSR — Kolumbiya: mezhpartiinoe izmerenie otnoshenii [USSR – Colombia: The Inter-Party Dimension of Relations]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Moscow, 2023, N 40, pp. 137–155. DOI: 10.32608/2305-8773-2023-40-1-137-155. (In Russ.).
6. Хейфец, В.Л. Эволюция российско-колумбийских отношений. *Актуальные проблемы экономики и управления*. СПб, 2019, вып. 4(24), сс. 140-149 [Kheifets, V.L. Evolyutsiya rossijsko-kolumbiiskikh otnoshenii [Evolution of Russian-Colombian relations]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*. St.Petersburg, 2019, vol. 4(24), pp. 140-149 (In Russ.).
7. Евтушенко Е.А. Фуку! *Новый мир*. М., 1985, № 9, сс. 3-58. [Evtushenko, E.A. Fuku!] *Novyi mir*. Moscow, 1985, N 9, pp. 3-58. (In Russ.).
8. Pardo Llada, José. Periodismo. [1995], 68 p. Available at: <https://red.uao.edu.co/bitstream/handle/10614/14390/Periodismo.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 18.03.2024).
9. Евтушенко Е.А. Дора Франко. *Независимая газета*. М., 24.11.2011. Available at: https://www.ng.ru/subject/2011-11-24/1_dora.html (accessed: 17.03.2024) (In Russ.).
10. Dora Franco, la diva de la fotografia. *El Tiempo*, 27.10.2019. Available at: <https://www.el-tiempo.com/bocas/dora-franco-la-diva-de-la-fotografia-426200> (accessed: 18.03.2024).

²⁰ Писатель С.С. Смирнов и консультант Иностранной комиссии Союза писателей Н.А. Булгакова побывали в командировке в Колумбии всего за несколько месяцев до Евгения Евтушенко, в сентябре — октябре 1967 г.

11. Yevtushenko, Yevgeny. Dora Franco. Una confesión tardía. [Medellín, 2012] Available at: https://www.festivaldepoesiademedellin.org/es/Diario/05_04_14.html (accessed: 18.03.2024).
12. Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. Книга первая: А–О. Отв. ред. А.Ф. Кофман. М.: ИМЛИ РАН, «Река времени», 2023, 904 с. [Slovar' techenii literatury XX veka. Rossiya, Evropa, Amerika. V dvukh knigakh. Kniga pervaya: A–O. Otв. red. A.F. Kofman. [Dictionary of literary currents of the XX century. Russia, Europe, America. In two books. Book One: A–O. Ed. By A.F. Kofman]. Moscow, IMLI RAN, «Reka vremeni», 2023, 904 p.
13. Arango, Gonzalo. El oso y el colibrí. Medellín, Editorial Albon-Interprint, 1968. 167 p.
14. Llano Parra, Daniel. Enemigos públicos: contexto intelectual y sociabilidad literaria del movimiento nadaísta, 1958—1971. Medellín: Fondo Editorial FCSH, Facultad de Ciencias Humanas y Humanas de la Universidad de Antioquia 2015, 194 p.
15. Yevtushenko, Yevgeny. Manzanas robadas. Traducción de Javier Campos. VISOR LIBROS, S.L. (March 1, 2011), 144 p.
16. Чупринин С.И. Оттепель как неповиновение. М., *Новое литературное обозрение*, 2023, 224 с. [Chuprinin S.I. Ottepel' kak nepovinoenie [The Thaw as Disobedience]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2023, 224 p.
17. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 324. [RGALI, 631-27-324] (In Russ.).
18. Hoyos, Juan José. La pasión de contar: el periodismo narrativo en Colombia: 1638—2000. Medellín: Hombre Nuevo Editores, 2009, 962 p.
19. Буйнова К.Р. «Доктор Живаго» в амазонских джунглях. *Латинская Америка*. М., 2022, № 11, сс. 91-103. [Buynova, K.R. «Doktor Zhivago» v amazonskikh dzhungliakh] [“Dr Zhivago” in the Amazon rainforest]. *Latinskaia Amerika*. Moscow, 2022, N 11, pp. 91-103. DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3. (In Russ.).

Kristina R.Buynova (k.r.bujnova@inno.mgimo.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

Pr-t Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Evgeny Evtushenko's Latin American tour (1968). Uruguay. Colombia. “The conquest of souls”

Abstract. In 1967—1968. Yevgeny Yevtushenko was on a large Latin American tour, performing for five months in Chile, Uruguay, Colombia and Mexico. In the present article we continue to publish the poet's report from this tour with our comments. The report was written in the spring of 1968 for the internal use of the Soviet Writers' Union, which of course implied that the document would be passed on to the Central Committee, a fact of which the poet was well aware. After friendly Chile (see *Latin America*, 2024, no.5), Yevtushenko describes the countries less familiar to Soviet cultural diplomacy, Uruguay and Colombia, where “the conquest of souls who are subtly reaching out to us” was still to be achieved. He writes considerably less about both countries than about Chile: the former because of his short stay, and the latter probably because much of his time in Colombia was taken up by personal relations, which he could not in any way confess to the Writers' Union, let alone to the Central Committee.

Key words: E.A. Yevtushenko, Latin America, Uruguay, Colombia, 1968

DOI: 10.31857/S0044748X24100079

Received 22.04.2024.